

Житейскія встрѣчи.

IV¹⁾.

Нѣсколько живыхъ воспоминаній оставило во мнѣ пребываніе на морскихъ купаніяхъ въ Остенде въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ. Тогда это мѣсто еще не поражало тою роскошью, которою, судя по описаніямъ и изображеніямъ, оно блистаетъ теперь. На великолѣнномъ пляжѣ возвышались всего двѣ постройки: обширный Cercle des bains съ концертнымъ заломъ и библіотекой и ресторанъ подъ названіемъ Cercle de Phare. Въ первое мое пребываніе, во второй половинѣ іюля 1869 года, русскихъ въ Остенде почти не было,—по крайней мѣрѣ, мой слухъ и взоръ не уловили, до самаго отъѣзда, въ пестрой и оживленной толпѣ ни родного звука, ни родного лица.

Находясь, поэтому, въ полномъ одиночествѣ, я удѣлялъ довольно много времени чтенію въ читальномъ залѣ Cercle des bains, слѣдя по французскимъ газетамъ за послѣдними попытками Наполеона III-го укрѣпить свою власть среди все болѣе и болѣе развивавшейся оппозиціи, питаемой между прочимъ и остроумно-ядовитыми выходками Рошфора въ его маленькихъ красненькихъ Lanternes.

Винювникъ этихъ ѣдкихъ литературно-политическихъ укусовъ бѣжалъ изъ Франціи, но и изъ-за границы продолжалъ, дразня и

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1910 г.

язвы своего врага, подтачивать и колебать его престоль. Однажды, когда я читалъ Figaro, ко мнѣ подошелъ высокій французъ съ блѣднымъ лицомъ, черными усами и бородкой и мелко-курчавыми, густыми волосами, сбитыми, какъ шапка, въ одну сторону. Argez vous s'il vous plaît — сказалъ онъ мнѣ, вѣжливо приподнимая шляпу, и съ тѣхъ поръ это повторялось не разъ, такъ что иногда, если я оканчивалъ Figaro раньше его прихода, — я клалъ газету въ какое-либо укромное мѣсто и, выйдя на морскую набережную, говорилъ моему французу при встрѣчѣ, гдѣ можно найти интересующій его номеръ. Однажды мы вышли вмѣстѣ изъ читальной комнаты на берегъ моря. Vous êtes bien complaisant, M-r, — сказалъ онъ — vous n'êtes pas français, — n'est-ce pas? Etes-vous américain, hollandais? — Je suis russe, M-r. — Ah vous êtes russe! Votre patrie a un bel avenir! и онъ сталъ говорить обычныя, банальныя и фальшивыя любезности, бывшія одно время сильно въ ходу у французовъ относительно русскихъ. Voilà Rochefort qui fait la Lanterne! — кричали между тѣмъ уличные мальчишки, неистово стуча своими деревянными sabots по каменной набережной. Voilà Rochefort qui fait la Lanterne! — Où est-il donc ce fameux Rochefort? — спросилъ я своего спутника. — C'est moi, monsieur, отвѣтилъ мнѣ онъ, весело улыбаясь.

Только наканунѣ отъѣзда въ Парижъ я, сидя за столикомъ въ антрактѣ музыкальнаго отдѣленія, неожиданно увидѣлъ за другимъ столикомъ, прямо предъ собою господина, котораго мѣшковатый костюмъ, круглое лицо съ добродушной складкой губъ, голубые глаза, небрежная прическа бѣлокурыхъ волосъ и бороды и — главное — бѣлый картузь форменнаго образца съ лакированнымъ козырькомъ — съ несомнѣнностью доказали мнѣ, что это соотечественникъ. По его скучающему взору, которымъ онъ лѣниво обводилъ присутствующихъ, и по зѣвкамъ, прикрываемымъ стыдливо ладонью руки, было видно, что онъ такъ же, какъ и я, одинокъ въ шумномъ фламандскомъ уголкѣ и по горестному — въ своемъ внутреннемъ смыслѣ и значеніи — русскому выраженію „не знаетъ, какъ убить время“. Мнѣ, однако, хотѣлось проверить мои догадки. Я прошелъ въ сосѣднюю salle de lecture и, принеся оттуда надѣтый на палку номеръ „Московскихъ Вѣдомостей“, сталъ читать его, повернувъ названіе къ незнакомцу. Не прошло и пяти минутъ, какъ пухлая, покрытая рыжеватыми волосами рука безцеремонно отогнула заслонявшій меня листъ газеты, и мой незнакомецъ, широко улыбаясь, сказалъ мнѣ: „батюшка, да вы русскій! вотъ радость-то! Извините меня, что я такъ... Я просто ошалѣлъ отъ скуки: не съ кѣмъ слова перемолвить. Я по-французски швахъ,

да и люди здѣсь все какіе-то накрахмаленные: на рыжей свиньѣ къ нимъ не подѣдешь. Позвольте къ вамъ подѣсть. Я вотъ, видите ли,—продолжалъ онъ, усаживаясь за мой столикъ,—служилъ въ военной службѣ, и есть у меня пріятель, сосѣдъ по имѣнію въ N уѣздѣ. Вышли мы оба въ отставку послѣ Крымской войны, да и попали въ мировые посредники. Участки у насъ сосѣдніе. И жить бы намъ да поживать, да пріятель мой, представьте себѣ, вдругъ ни съ того, ни съ сего вздумалъ жениться. А мы жили душа въ душу: то онъ у меня, то я у него. Жена у него, знаете, добрая, но только щеголиха большая, такъ его забрала въ руки, что и на-поди! Онъ вышелъ въ отставку, да и говорить мнѣ: „ну, гдѣ тебѣ одному своимъ хозяйствомъ жить! Переѣзжай къ намъ, мы тебя устроимъ, ты будешь у насъ, какъ родной, а жена тебѣ опуститься не дастъ: видишь, какъ меня подтянула“. Вотъ я къ нимъ и переѣхалъ, и живемъ себѣ ничего, ладно. Только вздумали они за границу поѣхать, да и говорятъ мнѣ: „Что жъ тебѣ одному оставаться: вѣдь это никакъ невозможно. Поѣдемъ вмѣстѣ“. Ну, я и радъ, потому что самъ-то никогда бы не собрался, а все-таки интересно, да еще знай я языки, такъ многому и поучиться можно. Пожили мы въ Берлинѣ, да въ Брюсселѣ и направились сюда, но только у спутницы нашей глаза на разныя покушки разбѣжались: она и застряла съ мужемъ въ Брюсселѣ; шьетъ себѣ платья да кружева покупаетъ. Чай, совсѣмъ мошну растрясла. А меня они просили поѣхать впередъ — квартиру присмотрѣть: не хочется жить въ гостиницѣ, а такъ, чтобы быть у себя. Однако, квартиры я не нашелъ: которыя есть—отъ моря далеко, да и рыбой въ нихъ во всѣхъ почему-то пахнетъ. Я вотъ и написалъ имъ обо всемъ, да и жду отвѣта, а самъ живу въ Ship-hôtel, тутъ неподалеку. А съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?“ Я назвалъ себя. „А зачѣмъ вы за границей: лѣчиться или провѣтриться?—Лѣчиться и учиться. „Такъ. А не выпить ли намъ шипучаго? Я, право, такъ радъ, что встрѣтилъ русскаго: хоть душу отведешь“. Я отказался и спросилъ моего словоохотливаго собесѣдника о томъ, нравится ли ему Остенде. „Ну еще бы,—отвѣтилъ онъ, — одно купанье чего стоитъ. Я, знаете, не тутъ, со всѣми купаюсь; скучно эти портки-то ихніе на себя натягивать,—а тамъ, подалее мѣсто есть, парадизомъ называется. Такъ просто выходить изъ воды не хочется. Сначала и холодновато, а потомъ какая благодать! Выйдешь, точно двадцать лѣтъ съ костей долой, а ѣсть такъ хочется, что хоть три табль-д’ота впору съѣсть. Особенно хорошо купаться по вечерамъ. Вчера пароходъ шелъ въ Англію, а на морѣ было тихо, такъ волны отъ него, мнѣ показалось, будто даже свѣтятся. Я все ихъ поджи-

далъ. Впрочемъ, и утромъ хорошо“.—Но вѣдь вы разъ купаетесь, конечно?—Нѣтъ, два.—Да вѣдь это вредно. Морскія купанья нужно принимать умѣренно и въ водѣ оставаться не болѣе трехъ-четыре-хъ минутъ. А вы, пожалуй, остаетесь дольше?—„Еще бы! Я, знаете, не выхожу, покуда весь даже не посинѣю. А что относительно одного раза, такъ это, повѣрьте, нѣмцы выдумали, потому что они цирлихъ-манирлихъ, и все у нихъ по часамъ, да по минутамъ рассчитано. Русскому человѣку это вовсе не подходитъ. Да я у себя въ деревнѣ въ жаркій день войду, бывало, въ рѣчку, возьму зонтикъ, да газету, „Московскія Вѣдомости“, на плоту разложу, зонтикомъ отъ солнца прикроюсь, да и стою въ водѣ, пока весь номеръ не прочту. Вотъ это настоящее купанье, а не пустая возня, ради которой раздѣваться и одѣваться тоска возьметъ“. — Я попробовалъ его убѣдить въ крайней опасности его отношенія къ морскимъ купаніямъ, но онъ упорно стоялъ на томъ, что все это нѣмцы выдумали, и что такъ какъ ему, вѣроятно, не придется второй разъ пріѣхать въ Остенде, то было бы странно, если бы онъ не накупался всласть. Мы прошли по эстакадѣ, поговорили о родинѣ, связь съ которой такъ сильно чувствуется именно за границей, и разстались въ надвигавшемся ночномъ мракѣ.

Прошло недѣль шесть. Въ ясный и бодрящій сентябрьскій праздничный день я сидѣлъ на скамеечкѣ въ Елисейскихъ поляхъ въ Парижѣ, а мимо рѣкою текла нарядная и оживленная толпа. Увлекаемые ею, прошли мимо меня, сопровождая даму, двое мужчинъ, при чемъ одинъ волочилъ ногу и шель, повидимому, съ нѣкоторымъ трудомъ. Миновавъ меня, онъ обернулся, пристально на меня посмотрѣлъ и что-то сказалъ своимъ спутникамъ, которые тоже посмотрѣли на меня и остановились. А онъ, постоявъ нѣсколько мгновений въ нерѣшимости, направился ко мнѣ, хромя и ковыляя, и не безъ труда двигая перекосившимися губами, плохо повинующимся языкомъ, сказалъ мнѣ: „А.... а.... в....в....ы м....меня не....е узнаете“?.. и, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ, прибавилъ: „а въ Ост...тенде помните“?.. Только тутъ изъ поблѣднѣвшаго и страдальческаго лица съ потухшими глазами на меня глянули добродушные черты моего мимолетнаго знакома. „Боже мой!—неволью воскликнулъ я—что же это съ вами?“ Легкая судорога пробѣжала по его лицу, глаза покраснѣли.... „До...о...ку...п...п...ал...ся!“ многозначительно отвѣтилъ онъ мнѣ.

Онъ познакомилъ меня со своими спутниками, а послѣдніе уговорили поѣхать съ ними въ St.-Cloud, гдѣ происходили, по случаю празднованія въ честь довольно сомнительнаго святого, изобрѣтеннаго ad hoc въ честь Наполеона III, народныя гулянья и различныя празднества.

Въ St.-Cloud, куда мы прїѣхали по желѣзной дорогѣ, насъ встрѣтили невообразимые для русскаго человѣка шумъ, гамъ и веселье. Блузники и степенные буржуа, солдаты, кормилицы, дѣти всѣхъ возрастовъ, иностранцы и самый разнообразный людъ толпились среди шатровъ, легкихъ построекъ и эстрадъ, устроенныхъ для всевозможныхъ развлеченій, — среди вертящихся каруселей и всякаго рода кухонь, расположенныхъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ подъ громкими названіями готовились неприхотливыя кушанья изъ провизіи, въ прохожденіе которой не слѣдовало слишкомъ пристально вникать. Вся эта толпа, съ точки зрѣнія жителя страны, которая, по выраженію Шевченко „благоденствуетъ—бо молчитъ“, просто безчинствовала: пѣла и свистала, перекидывалась громкими возгласами, хохотала и отъ стара до млада неустанно и почти непрерывно дудѣла въ особыя картонныя трубки, свернутыя на подобіе рупора, оклеенныя пестрой бумагой и нерѣдко украшенныя бумажными цвѣтами. Эти „mirlitons“ были, повидимому, необходимой принадлежностью всякаго парижанина, посѣщавшаго la foire de St.-Cloud. Насмотрѣвшись на эти бьющія ключемъ жизнь и веселье, мы пообѣдали тутъ же въ маленькомъ ресторанчикѣ и отправились въ большой шатеръ, на которомъ было написано „Val Markovsky“. Здѣсь новая толпа зрителей насъ вскорѣ раздѣлила, и мы потеряли другъ друга. Общество иностранцевъ, съ плотоядной жадностью пожиравшихъ глазами рискованныя позы канканирующихъ дамъ и безстыдныя тѣлодвиженія мужчинъ (очевидно, приглашенныхъ специально, чтобы содѣйствовать *great attraction*), не надолго удержало меня въ спертomъ воздухѣ яко-бы популярнаго бала, и я рѣшилъ уѣхать домой. Но осуществить это намѣреніе оказалось очень трудно.

Входъ на станцію желѣзной дороги былъ совершенно запруженъ толпою, а мѣста въ вагонахъ единственной тогда въ Парижѣ конно-желѣзной дороги брались съ бою. Приходилось или ждать до поздняго вечера, или участвовать въ этой свалкѣ, или, наконецъ, отправиться въ Парижъ пѣшкомъ. Я избралъ послѣднее и направился по безконечной каштановой аллеѣ. Въ ней, однако, оказался цѣлый рядъ своеобразныхъ экипажей съ двумя длинными параллельными скамьями подъ полотнянымъ навѣсомъ на желѣзныхъ стержняхъ, съ входною дверцею и тусклымъ фонарикомъ въ глубинѣ. Проѣздъ до Парижа стоилъ 80 сантимовъ. Эти „всигулы“ тоже быстро наполнялись ѣдущими домой, но въ одномъ изъ нихъ нашлось мѣсто и для меня. Составъ публики былъ самый разнообразный: два солдата, почтеннаго вида старикъ въ очкахъ, оказавшійся докторомъ, — нѣсколько буржуазныхъ паръ, — толстая дама въ чепцѣ съ развѣвающимися лентами, — „blanchisseuse en linge fin“, какъ значилось на

ея визитной карточкѣ, данной мнѣ при прощаніи,—нѣсколько молодыхъ людей (повидимому, студентовъ) съ молодыми дѣвцами, изъ которыхъ одна положила голову на плечо своего сосѣда и тотчасъ же заснула. Только что мы двинулись въ путь, какъ большинство сидѣвшихъ вооружилось „мирлитонами“ и начало въ нихъ усердно дудѣть, не исключая и почтеннаго доктора и моей сосѣдки въ чепцѣ. Это дудѣніе сливалось въ оглушительный хоръ, когда насъ обгонялъ чей-нибудь собственный экипажъ, въ особенности если въ немъ, горделиво развалиясь, полулежала, выставивъ напоказъ красивыя ботинки, какая-либо дама полусвѣта. Когда всѣ устали отъ этой какофоніи, докторъ, сидѣвшій противъ меня, обратился къ моей сосѣдкѣ съ вопросомъ: а что, если бы намъ спѣть?—Та многозначительно подняла брови и лаконически спросила: что?—Докторъ промурлыкалъ какой-то мотивъ, она кивнула головой, и оба они разбитыми голосами затянули какую-то пѣсенку. Всѣ пассажиры встрепнулись; спавшая гризетка раскрыла глаза. Припѣвъ къ пѣсенкѣ подхватили уже всѣ пассажиры нашего экипажа. Затѣмъ, пѣсни слѣдовали одна за другой безъ перерыва, съ необыкновеннымъ оживленіемъ и веселостью. Докторъ дирижировалъ рукою и въ особенно сильныхъ мѣстахъ топалъ ногою. Звуки подобнаго же пѣнія неслись и изъ другихъ, похожихъ на нашъ, экипажей. Наконецъ, наступила краткая пауза, и докторъ, сурово наморщивъ брови, обратился ко мнѣ: „Et vous, mon vieux (мнѣ было 23 года), pourquoi ne chantez vous pas?“ — Je ne connais pas vos chansons, monsieur. — Vous êtes allemand?—Non, je suis russe.—Ah, messieurs!—вскричалъ онъ—nous avons parmi nous un russe! Salut à la Russie! Ah, monsieur, votre pays a un grand avenir. Je ne vous dis que ça... seulement la Pologne, monsieur, la pauvre Pologne! (тогда были живы отголоски агитаціи, поднятой въ Западной Европѣ польскимъ возстаніемъ 1863 года). Enfin, basta così. Chantons!“—и онъ запѣлъ снова. Но, вотъ мы внезапно остановились. Кондукторъ открылъ дверцу, и въ ней показалась типичная фигура французскаго жандарма въ традиціонной треуголкѣ и съ эспаньолокой, которую тогда, по примѣру императора, многіе носили во Франціи. Оказалось, что мы были у въѣзда въ Парижъ и приходилось платить „октруа“ за предметы, подлежащія таможенному платѣ. Почему это былъ жандармъ, а не агентъ таможни,—я не знаю. Вѣроятно, это объяснялось наплывомъ проѣзжихъ черезъ эту заставу.

„Avez vous quelque chose à déclarer?“—строго спросилъ блюститель порядка и на отрицательный отвѣтъ, воскликнулъ: partez! Но, едва мы двинулись, какъ та гризетка, которая вновь успѣла сладко заснуть на плечѣ у своего спутника, встрепнулась и закричала: агге-

tez, arrêtez! Nous avons à déclarer! Произошло замѣшательство. Нашъ экипажъ былъ остановленъ, и въ раскрытыхъ дверцахъ снова появилась голова жандарма съ суровымъ на этотъ разъ выраженіемъ.—„Et bien, qu'est ce que vous avez à déclarer?“ — грозно спросилъ онъ. Гризетка вскочила съ своего мѣста и, дѣлая почтительный реверансъ, сказала: nous avons nos mirlitons et notre gaité.—Ah Sacre nom..!—закричалъ жандармъ, захлопывая дверцу, но губы его невольно распустились въ улыбку подъ густыми усами, а всѣ ѣхавшіе громко засмѣялись и зааплодировали. Подъ эти аплодисменты мы и въѣхали въ Парижъ. Но, здѣсь всѣ притихли, начали обмѣниваться сообщеніями о предстоящей на завтра работѣ, и когда мы всѣ разошлись около Palais Royal, серьезная атмосфера трудового Парижа уже охватила большинство обладателей веселыхъ мирлитоновъ. И теперь, почти черезъ сорокъ два года, эта заразительная веселость и умѣнье разумно пользоваться благами жизни съ особенною живостью вспоминаются мнѣ, на-ряду съ нашимъ роднымъ печально-добродушнымъ „до-о-ку-шал-ся“.

Черезъ два года мнѣ опять пришлось быть въ томъ же Остенде. На этотъ разъ я встрѣтилъ многихъ соотечественниковъ. Двѣ изъ этихъ встрѣчъ мнѣ вспоминаются съ особою живостью. Одновременно со мною окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ добродушный обрусѣвшій толстякъ, слышій между товарищами за чело-вѣка весьма образованнаго и трудолюбиваго. Лично мы не были знакомы. Но въ Остенде, черезъ восемь лѣтъ по окончаніи курса, я снова увидѣлъ его оригинальное лицо, которое привлекало къ себѣ вниманіе тѣмъ, что одинъ его усъ былъ темнорыжаго цвѣта, а другой ярко серебрился преждевременной сѣдиной. Мы познакомились и сошлись на почвѣ незабвенныхъ воспоминаній нашего студенчества. Узнавъ, что я не женатъ, онъ серьезно попенялъ мнѣ, что я лишаю себя высшаго счастья на землѣ, ссылаясь на свой собственный опытъ, а затѣмъ, тутъ же на пляжѣ, представилъ меня своей супругѣ—толстенькой блондинкѣ съ небесно-голубыми глазами и губами „сердечкомъ“. Въ любви къ нему и заботѣ о немъ супруги не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Она постоянно слѣдила за нимъ съ любящимъ и тревожнымъ выраженіемъ глазъ и часто прерывала нашу бесѣду просьбами, чтобъ онъ застегнулся или поднялъ воротникъ, или не говорилъ противъ вѣтра, при чемъ ея заботливыя руки немедленно спѣшили избавить его отъ труда, исполнивъ сами ея просьбу относительно пуговицъ и воротника, или съ нѣжной лаской заслоняли ему ротъ отъ холоднаго дыханія Ламанша. Когда

мы остались вдвоемъ, онъ умиленно спросилъ меня: „видѣли?“ И прибавилъ: „это ангелъ!“

Однажды я собрался поѣхать въ старинный фламандскій городъ Брюгге, чтобы посмотрѣть на его удивительныя средневѣковыя зданія и знаменитое „житіе святой Урсулы“, написанное Гансомъ Мемлингомъ на столѣ госпиталя, гдѣ онъ лечился отъ ранъ, полученныхъ во время тридцатилѣтней войны,—представляющее собою одно изъ геніальнѣйшихъ произведеній фламандской живописи. Мужъ „ангела“, узнавъ о моемъ планѣ, выразилъ горячее желаніе быть моимъ спутникомъ и взять при этомъ съ собою жену. Зная, что придется много ходить и лазить по лѣстницамъ, и желая использовать свою поѣздку безъ всякой помѣхи, я предложилъ ему ограничиться путешествіемъ вдвоемъ, что ему, повидимому, очень улыбнулось.— „Но, какъ же я оставлю жену?“

— „Мы выѣдемъ въ семь часовъ утра—замѣтилъ я—и къ часу можемъ быть дома, а если посѣтимъ и Гентъ, чтобы посмотрѣть Рубенса и побывать въ извѣстномъ по своему богатству зоологическомъ саду, то можемъ вернуться къ семи часамъ. Такимъ образомъ, ваша разлука будетъ очень непродолжительна, а практика путешествій учить, что странствованіе втроемъ всегда представляетъ неудобства“.—„Да, да, поѣдьте и въ Гентъ!—воскликнулъ онъ—и конечно, лучше вдвоемъ. Но только какъ сказать объ этомъ женѣ?“

— „Позвольте это мнѣ принять на себя!“

И въ тотъ же вечеръ, я сказалъ „ангелу“, пребывавшему на пляжѣ, что я уговариваю ея супруга поѣхать со мною завтра въ Брюгге и Гентъ и хочу ее просить отпустить его со мною, ручаясь возвратитъ его къ семи часамъ въ полной цѣлости и неприкосновенности.—„Ты хочешь ѣхать?“—протянула она удивленнымъ тономъ.— „Да, видишь, какъ старые товарищи... это такъ интересно... а тебѣ утомительно... вѣдь къ вечеру я буду назадъ... вѣдь мы, какъ товарищи... и много надо ходить... а здѣсь будетъ хорошая погода...“ Она строго посмотрѣла на него, перевела затѣмъ на меня удивленный и обиженный взоръ, сказала: „если онъ хочетъ ѣхать и меня оставить одну, то вы можете его взять съ собой!“ и, пожавъ плечами, оставила насъ.

На другой день рано утромъ я увидѣлъ уже издали радостную улыбку подъ разноцвѣтными усами и, провожаемые укоризненнымъ взглядомъ небесно-голубыхъ глазъ, мы двинулись въ путь. Мой спутникъ былъ чрезвычайно оживленъ, въ приподнятомъ и праздничномъ настроеніи, сыпалъ анекдотами и остротами и былъ просто неузнаваемъ. Къ искусству онъ, впрочемъ, относился довольно равнодушно, но города его весьма интересовали, а въ особенности

всецѣло овладѣлъ его вниманіемъ чудесный зоологическій садъ въ Гентѣ. Нѣсколько разъ приходилось мнѣ напоминать ему, что пора отправляться на станцію желѣзной дороги. — „Es ist die höchste Zeit zum einsteigen!“—говорилъ я ему, подражая нѣмецкимъ „шафнерамъ“. Но онъ успокаивалъ меня тѣмъ, что мы возьмемъ извозчика. Однако, при выходѣ, такового не оказалось, и намъ пришлось устремиться почти бѣгомъ на станцію, на путяхъ которой стояло нѣсколько поѣздовъ въ разныхъ направленіяхъ. Около нихъ, какъ муравьи, копошились пассажиры и проводатые. —Сюда, сюда!—сказалъ мнѣ, задыхаясь отъ усталости мой спутникъ, увлекаая меня въ одинъ изъ этихъ поѣздовъ—Да нашъ ли это поѣздъ?—Нашъ, нашъ! Намъ въ эту сторону ѣхать, я ужъ знаю! И едва мы, запыхавшись, вошли въ вагонъ, поѣздъ тронулся.—Ну, слава Богу! сказалъ мой спутникъ, отирая потъ—а я, признаться, очень струсилъ, увидѣвши, что мы можемъ опоздать. Слава Богу, все въ порядкѣ!—Въ порядкѣ ли?—спросилъ я недовѣрчиво, глядя въ окно—мы мимо такихъ зданій и вотъ этой огромной мельницы не проѣзжали, ѣхавши сюда. Я это хорошо помню! А, вѣдь, сидѣли мы съ этой самой стороны!—Нѣтъ, мы ѣдемъ въ Остенде,—сказалъ онъ немного дрогнувшимъ голосомъ. — Pardons, madame,—обратился я къ сидѣвшей противъ меня дамѣ—avez la complaisance de dire où allons-nous?—Она удивленно на меня посмотрѣла и сказала: nous allons à Bruxelles, monsieur!—Поздравляю васъ! иронически обратился я къ моему товарищу, но дальнѣйшее замерло у меня на устахъ при видѣ его внезапно поблѣднѣвшаго лица, растеряннаго вида и выраженія испуга въ глазахъ.—То есть, позвольте—залепеталъ онъ.—Какъ же это?! Нельзя ли остановить поѣздъ? Вѣдь это ужасная ошибка! Я хочу выйти, на первой же станціи! Нѣтъ, да вѣдь, это совершенно невозможно!—Посмотрѣвъ въ расписание, я удостоверилъ его, что мы ѣдемъ въ экспрессъ, который до Брюсселя останавливается только на одной станціи, всего на три минуты, причемъ черезъ эту станцію встрѣчный поѣздъ проходитъ раньше насъ и что, поэтому, неминуемо надо ѣхать до Брюсселя. Боже мой!—восклицалъ онъ—что подумаетъ жена?! Вѣдь она придетъ насъ встрѣтить! Вѣдь, какое ей безпокойство! Она и безъ того такъ неохотно меня отпустила.. Она такой ангелъ! Это только для васъ она меня отпустила!... —При предстоящей остановкѣ вы можете ей послать успокоительную телеграмму „j'ai manqué le train, revenons demain matin, bien portant“.—Да? Вы думаете?—нерѣшительно сказалъ онъ.—Да что же другое можно сдѣлать?! Набросайте-ка скорѣй телеграмму, чтобъ затѣмъ не терять времени.—Она не повѣритъ!—печально сказалъ онъ—ужъ лучше пошлите телеграмму вы отъ себя!—Такъ и было сдѣлано съ

прибавленіемъ просьбы о прощеніи нашей оплошности. До Брюсселя онъ хранилъ угрюмое молчаніе и лишь нервно поигрывалъ пальцами у себя на колѣнкѣ. Поэтому, когда поздно вечеромъ мы очутились въ уже засыпавшей бельгійской столицѣ, гдѣ намъ рѣшительно нечего было дѣлать, онъ безъ всякихъ возраженій, съ видомъ человѣка, покорившагося судьбѣ, принялъ мое предложеніе поѣхать еще дальше, въ Антверпенъ и, осмотрѣвъ его утромъ, къ семи часамъ вечера вернуться въ Остенде. Въ Антверпенъ мы прибыли поздною ночью, съ трудомъ отыскали себѣ въ старомодной гостиницѣ мрачную и холодную комнату съ двумя кроватями у противоположныхъ стѣнъ, очевидно предназначенную для случайныхъ путешественниковъ, довольствующихся,—какъ это тогда еще было въ обычаѣ и въ Германіи,—половиной комнаты исключительно для ночлега. Утомленный путешествіемъ, я сталъ быстро засыпать подъ вздохи и кряхтенье моего спутника. Но, заснуть мнѣ удалось нескоро.—Вы спите? спросилъ онъ меня.—Нѣтъ, а что?—Нѣтъ, я такъ!..—Черезъ двѣ минуты тотъ же вопросъ повторился.—Нѣтъ, еще не сплю. Да что съ вами? вы здоровы?—Здоровъ, а такъ, что-то грустно.—Будемте грустить завтра, а теперь пора спать.—Вслѣдъ за этимъ я услышалъ звукъ босыхъ шаговъ, приближающихся къ моей постели; край моего тюфяка погнулся подъ тяжестью сѣвшаго человѣка и въ слабомъ лунномъ полусвѣтѣ (мы забыли опустить штору) обрисовалась фигура самоувѣреннаго знатока поѣздовъ.—Ужъ не лунатикъ ли онъ!—подумалъ я.—Да что съ вами? Зачѣмъ вы не даете мнѣ заснуть?—Простите меня, *другъ мой*, отвѣтилъ онъ мнѣ упавшимъ голосомъ. Но мнѣ что-то такъ грустно, такъ грустно!. Извините меня! Спите спокойно!—и босые шаги удалились. Я уже началъ сладко погружаться въ какую-то бездонную, но пріятную пропасть, какъ былъ снова вызванъ къ реальной жизни громкимъ вопросомъ съ другого конца комнаты:—испытали ли вы когда-нибудь истерику?—Въ то время истерика еще считалась болѣзненнымъ припадкомъ, свойственнымъ только женщинамъ. Поэтому, отвѣтивъ въ этомъ смыслѣ вопрошавшему, я, въ свою очередь, спросилъ, развѣ его у него была когда-нибудь истерика.—Нѣтъ, никогда, отвѣтилъ онъ рѣшительно—развѣ это возможно?—Такъ какъ же вы ее могли испытать?—Наступило долгое молчаніе, затѣмъ тяжелый вздохъ...—У жены—сказалъ онъ какимъ-то надтреснутымъ голосомъ.—У ангела?—У него!.. знаете, это ужасно!.. Наступило молчаніе, и я заснулъ. Утромъ онъ всталъ, какъ встрепанный, шутилъ и смѣялся, хотя избѣгалъ встрѣчаться со мной глазами. Я снова послалъ его женѣ телеграмму, объясняющую наше опозданіе. Мы осмотрѣли музей, церкви и пообедали на открытой верандѣ маленькаго ресторана на городской площади. Мой спутникъ былъ чрезвычайно оживленъ, смѣшилъ меня своими рассказа-

ми изъ области студенческихъ романтическихъ похожденій и, несмотря на мои протесты, потребовалъ полбутылки шампанскаго, чтобы выпить за нашу встрѣчу и интересное путешествіе. Вчерашній упавшій духомъ супругъ былъ бы неузнаваемъ, если бы мнѣ не вспоминалась, глядя на него, русская поговорка—„семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“ и если бы его блуждающій по сторонамъ взоръ и слишкомъ громкій, безпричинный смѣхъ не имѣли въ себѣ оттѣнка того, что простой русскій человѣкъ характеризуетъ словомъ „отчаянность“. Онъ даже предложилъ мнѣ остаться до слѣдующаго дня, чтобы пойти вмѣстѣ въ театръ, гдѣ давали „Фауста на изнанку“, и только напоминаніе о необходимости послать *третью* телеграмму нѣсколько охладило его эстетическія стремленія. Въ теченіе обратнаго пути онъ былъ молчаливъ и большую часть времени дремалъ. Когда мы прибыли обратно въ Остенде и надо было выходить изъ вагона, онъ сталъ усиленно искать чего-то на сѣткѣ, хотя никакихъ вещей съ нами не было, и предоставилъ мнѣ, такимъ образомъ, выйти первому, слѣдуя за мной и какъ бы прячась за меня. Первое, что я увидѣлъ на перронѣ, были небесно-голубые глаза, горѣвшіе гнѣвнымъ огнемъ. Я почтительно снялъ шляпу, но „ангелъ“ растянулъ свои сложенные въ сердечко алыя губы въ презрительную улыбку и, не отвѣчая на поклонъ, медленно смѣрлялъ меня взоромъ съ головы до ногъ, затѣмъ сдѣлалъ два быстрыхъ шага по направленію къ мужу, энергически взялъ его за руку выше кисти и молча увелъ за собой.

Прошло шесть лѣтъ. Будучи проѣздомъ въ Москвѣ, я встрѣтилъ на Арбатской площади моего остендскаго пріятеля, ѣдущаго на извозчикѣ. Увидѣвъ меня, онъ приказалъ остановиться и съ неподдѣльной радостью привѣтствовалъ меня, чему, повидимому, не помѣшало и то, что въ качествѣ дѣятельнаго сотрудника одного изъ Московскихъ изданій онъ не упускалъ случая, по заказу редакціи, порицать вредное направленіе тогдашняго предсѣдателя петербурскаго окружнаго суда, каковымъ былъ я.—Какъ я радъ! Какъ я радъ!—восклицалъ онъ, пожимая мнѣ руки! Пожалуйста, посѣтите меня! Пообѣдаемъ вмѣстѣ, вспомнимъ старину! Я васъ познакомлю съ моей женой. Она—премилая женщина.—Едва-ли я успѣю побывать у васъ, хотя вспомнить старину, въ виду кое-чего современнаго, конечно было бы пріятнѣй. Супругѣ же вашей—вы очевидно забыли—я уже былъ представленъ въ Остенде. Она, конечно, такой же, въ вашихъ глазахъ ангелъ, какъ и была?

— Ахъ, нѣтъ!—воскликнулъ онъ почти радостно.—*Та* уже давно умерла! Я уже женатъ на другой!

На этомъ мы и разстались навсегда съ неисправимымъ рецидивистомъ семейнаго счастья.

Въ томъ же году, въ Остенде, мнѣ пришлось нѣсколько разъ обѣдать съ большимъ знатокомъ и любителемъ драматической литературы обладавшимъ драгоцѣнными воспоминаніями о лучшихъ страницахъ въ исторіи русской сцены. Слушать его тонкіе критическіе отзывы составляло истинное наслажденіе. Однажды, къ нашему обѣденному столу подошелъ сухощавый господинъ съ острыми чертами лица, длинными усами, которые онъ нервно покручивалъ, и непривѣтливымъ взоромъ безпокойныхъ глазъ. Манера держать себя и носить штатское платье обличала въ немъ человѣка, привыкшаго къ военному мундиру. Это былъ отставной губернаторъ одной изъ великороссійскихъ губерній, прославившійся тѣмъ, что при объѣздѣ губерніи благосклонно принималъ единодушно выражаемыя волостными обществами чрезъ свое начальство чувства преданности и трогательнаго уваженія. Вещественнымъ знакомъ этихъ чувствъ служила хлѣбъ-соль на дорогахъ блюдахъ, при чемъ, какъ говорили злые языки, „благодарные поселяне“ въ избраніи этихъ знаковъ были въ значительной степени облегчены распоряженіями уѣзднаго начальства, въ свою очередь не оставленнаго указаніями изъ губернаторской канцеляріи.

Генераль будировалъ правительство, не умѣвшее оцѣнить этой теплоты чувствъ, выраженныхъ въ іерархическомъ порядкѣ сверху внизъ и снова возвращающихся къ своему первоначальному источнику. Лишенный,—къ сожалѣнію лишь на нѣкоторое время—широкой дѣятельности, отставной администраторъ искалъ исцѣленія отъ служебныхъ утомленій въ морскихъ волнахъ и заявлялъ, что всецѣло отдался высшему управленію своихъ обширныхъ помѣстій, показывая, съ напускною небрежностью, длинныя и регулярныя донесенія своего главноуправляющаго, написанныя по всѣмъ правиламъ канцелярскаго искусства на большихъ бланкахъ, въ углу которыхъ стояло: „Управленіе вотчинами его Превосходительства NN“.—

Въ разговорѣ со мною—простымъ смертнымъ—онъ выказалъ изысканную любезность, а на другой день я нашелъ у себя его карточку. Пришлось отдавать визитъ. Подходя по корридору къ указанному мнѣ номеру въ гостиницѣ, я услышалъ за неплотно притворенными (вѣроятно по забывчивости) дверями звуки площадной русской брани, произносимой захлебывающимся отъ озлобленія голосомъ. Очевидно, что за дверями съ кѣмъ-то происходила словесная расправа. Я остановился въ недоумѣніи. Возвращаться назадъ и оставить карточку у швейцара было неудобно, такъ какъ онъ мнѣ категорически объявилъ, что *monsieur le général* дома. Пришлось, поэтому, постучать въ дверь, и предо мною предсталъ мой новый случайный знакомый, въ довольно безпорядочномъ домашнемъ туалетѣ, съ искаженнымъ раздраженіемъ лицомъ.—

„Не помѣшалъ ли я вамъ? Вы, кажется, съ кѣмъ-то бесѣдовали.—Нѣтъ-съ, я одинъ! У меня никого нѣтъ, а только вы слышали вѣроятно, какъ я ругался. Покорнѣйше прошу садиться. Извините, что вы застаете у меня такой беспорядокъ, да и меня въ такомъ видѣ. Я, видите ли, укладываюсь. Это такая тоска и такъ утомительно, да и не привыкъ я къ этому совсѣмъ. Просто всю поясницу разломил! Того и смотри, что-нибудь забудешь или засунешь такъ, что потомъ, когда нужно, не найдешь. А мнѣ сердиться вредно: у меня печень больная. И вѣдь что меня раздражаетъ, такъ это то, что я самъ себѣ создалъ такое положеніе по довѣрчивости къ людямъ! Надо вамъ сказать,—продолжалъ онъ, отвѣчая на мой вопро- сительный взглядъ и гнѣвно раздавливая въ пепельницѣ недокурен- ную папиросу,—надо вамъ сказать, что у меня въ корпусѣ былъ товарищъ; на одной скамьѣ съ нимъ сидѣли, пріятелями были. Учился онъ плохо и выпущенъ былъ соотвѣтственно. Но комикъ былъ боль- шой, умѣлъ все такъ рассказывать, что мы бывало со смѣху катаемся. Ну, конечно, дороги наши разошлись. Я, какъ вы знаете, генераль- лейтенантъ и оставилъ губернаторскій постъ, потому что не желаю подчиняться разнымъ фантазіямъ нашего нелѣпаго правительства. А онъ служилъ себѣ въ глухой провинціи въ армейскомъ полку,— женился на какой-то захолустной барышнѣ и былъ подъ конецъ службы полковымъ казначеемъ. Заболѣла у него жена чахоткой, повезъ онъ ее за границу,—лечилъ, гдѣ возможно, дѣлалъ займы для этого. Она тянула довольно долго, но все-таки умерла. Онъ, какъ говорить, очень ее любилъ, былъ въ отчаяніи послѣ ея смерти, службу запу- стилъ, да и недочетъ кой-какой оказался во ввѣренныхъ суммахъ. Это онъ все на жену потратилъ, все надѣялся ее спасти. Товарищи по- могли, недоимку пополнили, но службу все-таки пришлось оставить. Прослонялся онъ безъ дѣла, проѣлъ все, что могъ, и просто—изви- ните за выраженіе—безъ штановъ остался. Пишетъ мнѣ, просить помощи или занятій. Ну я, доложу вамъ, знаете, на личную помощь не податливъ и дѣлать эти бесполезныя подачки не въ моихъ принципахъ. Но новый человекъ по письменной части въ моемъ хозяйственномъ дѣлѣ былъ мнѣ не лишній, тѣмъ ѣ больше, что какъ-никакъ, а свой чело- вѣкъ—товарищъ по воспитанію. Я его вызвалъ и говорю ему: коли хочешь, живи у меня на всемъ готовомъ, будешь исполнять мои по- рученія, да и компанію мнѣ составишь, развлечешь своей бесѣдой. А онъ—надо вамъ сказать—несмотря на все остался такимъ же комикомъ. Иногда начнетъ что-нибудь рассказывать, да въ лицахъ изображать—мертвого разсмѣшить способенъ! Такая живучая натура! Ну и ничего,—я былъ имъ доволенъ. Только въ нынѣшнемъ году со- брался я за границу, да и говорю ему: поѣдемъ-ка со мною; безъ

меня тебѣ дѣлать нечего, а въ дорогѣ ты мнѣ будешь нуженъ—на желѣзной дорогѣ распорядиться, багажъ сдать, уложить и разложить вещи, за покупками сходить. Да и развлечешь меня, когда очень печенъ себя дастъ знать... У меня, знаете, такія бываютъ мрачныя настроенія... Все отъ печени!.. Поѣхали мы. Очень мнѣ съ нимъ было удобно и даже полезно для здоровья. Только пріѣхали мы изъ Карлсбада во Франкфуртъ. Рано-ли я кончилъ воды пить или это естественное ихъ дѣйствіе, только стало у меня расположеніе духа очень тяжелое, а онъ, словно нарочно, ходитъ какъ въ воду опущенный, молчитъ, часто отлучается неизвѣстно куда, на вопросы отвѣчаетъ неохотно, буркнетъ что-нибудь, да и замолчитъ. Только потерпѣлъ я, потерпѣлъ, да и надоѣло мнѣ переносить эту его меланхолю. Какъ-то разъ—нездоровилось мнѣ—я и говорю ему: столько ты новаго видишь и встрѣчаешь, расскажи-ка позабавиѣе объ этомъ. Видишь, у меня снова желчь разыгрывается!—Я, говорить, теперь ничего рассказывать не могу и забавлять тебя не стану.—Ну, братецъ,—отвѣчаю—дружба—дружбой, а служба—службой! Путешествуешь ты на мой счетъ, ѣшь, пьешь и никакихъ расходовъ не имѣешь, такъ ты долженъ понимать, что я тебя взялъ не для того, чтобы смотрѣть, какъ ты кислую рожу строишь!—И сказалъ ему я это мягко такъ, по-товарищески, только чтобы дать понять ему его обязанности. А онъ, вдругъ, точно бѣлены объѣлся! По-краснѣлъ весь, задрожалъ даже, голосъ возвысилъ, да и кричитъ запальчиво:—здѣсь, говорить, въ двухъ шагахъ, въ Соденѣ, моя страдалица скончалась, тутъ я ей глаза закрылъ, а ты отъ меня веселыхъ анекдотовъ требуешь! Не стану ихъ рассказывать! Довольно съ меня!—Я ему замѣтилъ, чтобы онъ не забывался и не возвышалъ голоса, когда съ нимъ говорятъ спокойно, а помнилъ для чего взять вообще, а за границу въ особенности. Но онъ такъ расхорхорился, что самъ плачетъ, а рукой по столу стучитъ и говоритъ: не хочу больше на побѣгушкахъ у тебя быть!..—Я этихъ штукъ не люблю, но постарался овладѣть собою—вѣдь это, хоть кого взбѣситъ—да и говорю ему: ты, любезный, не забывай, что вѣдь въ такомъ случаѣ ты и не нужнымъ можешь оказаться! А онъ еще пуще кричитъ: и окажусь! и окажусь! я самъ не хочу съ тобою ѣхать дальше и возвращаюсь въ Россію.—Я улыбнулся на эту похвальбу, да и говорю, шутя, чтобы его образумить: а на какія это средства вы изволите отправиться въ Россію?—Пѣшкомъ уйду!—кричитъ—Христовымъ именемъ питаться стану, а отъ тебя гроша не возьму. Не желаю быть больше въ тягость! Прощай!—и ушелъ въ свой номерокъ, хлопнувъ дверью. Ну, думаю, выснитъ—обойдется, пойметъ свое положеніе. Да и изъ

Франкфурта пора намъ уѣзжать: всѣ эти сантиментальности и прекратятся. Что же вы думаете?! На другой день оказывается, что онъ уѣхалъ, не простившись и даже ничего не написавши! Вотъ мнѣ и приходится самому сундукъ укладывать! Сколько себя помню на службѣ—этого не дѣлалъ. Всегда денщикъ или лакей этимъ занимались... Всю поясницу разломило! Иной разъ и крѣпкое слово вырвется поневолѣ... Нѣтъ-съ! въ какое положеніе онъ меня поставилъ!? Мнѣ, вѣдь, еще въ Парижъ надо ѣхать! Вотъ вамъ и дѣлайте добро людямъ! Этакая скотина! Не правда ли?..“

А. Ѡ. Кони.

